

Наталья Иртенина

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2017

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви

ИС Р17-705-0202

Иртенина Наталья

И845 Последнее письмо полковника. – М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2017. – 224 с.

1917 год погрузил Россию во мглу кровавой вражды. Возможно ли человеку противостоять сокрушительному напору зла, с оружием в руках отстаивать нравственные идеалы православной Руси? Не правосудие ли Божие совершается над страной? Не должна ли Россия испить чашу искупительных страданий до дна? Кадровый офицер Шергин в поисках ответов на эти вопросы проходит свой крестный путь – от Уральских гор, где он и его товарищи не смогли спасти государя Николая II, до гор Алтая, куда забрасывает его Гражданская война и где он решает на необычный для белого офицера шаг.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2017

ISBN 978-5-88017-597-0

© Иртенина Н., текст, 2017

Тайный план

Поезд медленно продвигался по февральским снежным заносам на восток, к Уральским горам. На станциях его брала штурмом озверевшая в ожидании толпа: закидывали мешки и чемоданы, лезли в окна, на крышу, набивались в проходы. Стоянки длились дольше, чем ехали, но выходить из вагона было чудовищной глупостью. Обратного можно было не попасть. Станционные торговки совали в окна вареные яйца, моченые яблоки, кренделя, кульки с семечками, взамен получали сахар, чай, мыло, мятые «романовки» или «керенки». Пачки «керенок» бабы брали с неохотой и руганью.

Спасения не было от нестерпимой вони, визгливой ругани, детского рева и пролетарских песен под гармошку. Девять суток в пути. Иногда поезд вставал на несколько часов посреди голого поля. По вагонам разносился протяжный волчий вой, но издавали его не волки.

Капитан Шергин пытался освободиться от навязчивой действительности с помощью отвлеченных умственных построений. Маска контуженного солдата, едущего с фронта домой, позволяла не участвовать в разговорах о мировой революции и не слушать большевистские

бредни. Он сидел возле окна, кутался от сквозняка в выдавшую виды шинель и с тоской думал о новом мире, который эта каторжная публика собиралась строить на обломках прежнего.

На очередной Богом забытой станции стояли пятый час. За окном вдоль вагонов бродили люди самого дикого вида и, очевидно, столь же диких намерений. Многие были с винтовками на плече, из-под башлыков краснели пятиконечные звезды. Голодное подвывание ветра и густой снег, падающий, будто перья из подушки небес, вспоротой большевистским штыком, придавали всей картине зловещий апокалиптический характер. У окна вдруг возникла картинно безобразная физиономия, припала к стеклу, поводила глазами и носом. Шергин, встретившись с ней взглядом, вздрогнул и отодвинулся к стенке. Когда физиономия исчезла, он подумал, что отвращение в нем вызвало не столько каторжное уродство человека, сколько кроваво-красная звезда на шапке, торчащая двумя рогами кверху.

Метель ослабла, и на сером станционном здании глянуло красное полотнище от края до края. Шергин уже привык к этим абсурдным, совершенно бандитским лозунгам. Они были бы даже курьезны, если бы шастающая повсюду матросня в кожанках и с наганами, а за ними вся краснозвездная рать не находили в этом вздоре глубокий смысл, который тут же, на месте, воплощался ими в жизнь. «Да здравствует Царство социализма, смерть буржуям-кровопийцам!» — сообщала надпись на полотнище. «Царство», написанное

с большой буквы, заставляло задуматься над тем, как преломляются в новой, большевистской религии прежние христианские представления. Безусловно, думал Шергин, в новом вероучении «перстом Божиим» была рука вождя пролетариата, указывающая на тех, кого надо расстрелять, чтобы остальным скорее очутиться в красном земном раю.

Ему вдруг живо и в деталях представился вытесанный из камня идол революции — товарищ Ленин на высоком постаменте, с вытянутой вперед дланью. Шергин принялся размышлять о человеческой привычке различными метафорами и прочими фигурами низводить Бога с небес на землю, приравнивать Его к жалкому земляному пониманию...

В конце вагона пьяно грянули «Марсельезу». Он поморщился, закутался плотнее в шинель, поднял воротник до ушей.

...Господь же из любовной жалости к людям Сам нисшел когда-то на землю. Но они и из Богочеловека исхитрились теперь сделать всего лишь метафору, приноровленную к своему человеческому пониманию...

Однако дело совсем не в этом, рассудил затем Шергин. А в том, что вторую неделю он безвылазно едет в грязном общем вагоне, переодетый в солдатскую форму, с фальшивым документом в кармане, направляясь с тайным планом в Тобольск к государю, который томится в плену среди бандитских орд.

И это голые факты, а не образная фигура. Но и голые факты тотчас обернулись в уме

Шергина широкой метафорой. Ему представилась Россия в виде провонявшего человечьей гнилью поезда, куда набилась подлая публика всех мастей, мечтающая о земном рае под стать себе, а впереди у этой измызганной революциями России — расплывающаяся в тумане цель и государь, скрытый за неизвестностью, и до него еще надо добраться, чтобы вырвать из небытия...

Но опять же не в этом дело. Шергин задумчиво потер лоб. Самое интересное и, вероятно, главное теперь заключалось в том, что он словно бы чувствовал на себе Божий перст, вовсе не метафорический, а истинный, недвусмысленно предупреждающий: ты, человек, едешь совсем не туда и не за тем. При этом в мозгу саднило ощущение, что и девять десятых в России нынче делают то, чего не хотят, идут куда им не нужно, и сами об этом смутно догадываются.

Настолько смутно, что можно пренебречь.

Шергину тоже захотелось пренебречь хоть на малое время. Под матерную брань и злобные вопли о достоянии республики — опять в вагоне кого-то убивали за контрреволюцию — он стал думать о том времени, когда вся эта красная чехарда с ее «режь-публикой» уймется и забудется.

Вероятно, оно окажется похожим на страшный сон.

Будет ли Бог милосерден к русским людям будущего, дарует ли им знание того, что нужно знать, и будут ли они понимать, кто они такие, куда им идти?..

Расправа

В уральских предгорьях Шергин отстал от поезда. Сделал это намеренно, не в силах более терпеть бандитских физиономий, церберов революции, размахивающих мандатами и маузерами, после каждой остановки производящих реквизицию в вагонах. Он ловил на себе их въедливые, ощупывающие взгляды и всякий раз думал о том, что теперь наконец придется дать в зубы «товарищу», пристрелить нескольких из них и самому быть убитым на месте, а потом раздетым, изуродованным и выброшенным из поезда. К счастью, его мрачный вид вызывал у них нечто вроде опасливого уважения. Возможно, его бритая голова и шрам от прошлогодней раны, перечеркнувший правую половину черепа, создавали у «товарищей» ложное впечатление некой причастности его к тому эпицентру большевистского извержения, от которого по стране расходились огненно-красные круги, позволявшие и этим несчастным служителям зла поплавать на поверхности, топя других, менее удачливых. Но, может, все было проще, и вчерашние пролетарии, перелицевавшиеся в бандитов, инстинктивно чувствовали спрятанный у него под шинелью американский кольт вкупе с решимостью применить его в любой момент. К слову сказать, рана от австрийской сабли оказалась пустяковой, несмотря на безобразность.

Однако долго испытывать счастье не стоило. К тому же от долгого сидения и страшной антисанитарии в вагоне могли образоваться

неприятные последствия для здоровья. В маленьком уральском городке Шергин решил дождаться следующего поезда на Екатеринбург и Тюмень. Опоздание на несколько суток ничего не меняло. Остальные участники тайной операции должны были собраться в назначенном месте под Тобольском в течение трех недель.

Правда, еще со времени отъезда из Москвы, полнящейся разнообразными слухами, Шергин подозревал, что у их маленького кружка заговорщиков имеются серьезные конкуренты. И отнюдь не такие же одержимые чувством долга офицеры или романтически-восторженные юнкера. А, например, германский Генштаб с его золотым запасом и армией агентов, шпионов, агитаторов и доносителей. Любому здравомыслящему человеку ясно, что большевики рано или поздно выйдут из-под опеки своих немецких хозяев. Для Германии было бы слишком легкомысленно и расточительно не иметь запасного варианта в виде реставрации картонной монархии с иллюзией государя на русском троне, за которым стояла бы вся империя кайзера Вильгельма. «Странная ирония, — подумал Шергин, — год назад Россия плясала на костях павшей монархии. Теперь же император понадобился всем. Даже этот большевистский Аттила Троцкий, бредящий мировой революцией, по слухам, не прочь выставить худшую копию монархии против болтливого республиканства Антанты».

Между тем он нисколько не сомневался, что «гражданин Николай Романов», при всей его

политической мягкотелости, не примет предложения немцев. Шергину не давало покоя ощущение, что за отречением государя второго марта прошлого года стояло нечто большее, чем кайзеровские интриги, думские благоглупости и ловко состряпанный солдатский мятеж. Иногда ему начинало казаться, что отказ от престола был глубоко личной, давно выношенной, возможно, выстраданной Николаем II мыслью. На чем основывалось это чувство, неясно, но своей интуиции Шергин доверял — она не раз помогала избежать неприятных ситуаций и хоть на миг да опередить события. Сейчас она подсказывала, что переиграть прошлогоднее отречение, переиначить то самое выстраданное бывший император не захочет.

С другой стороны, это нежелание государя сделает бессмысленным и заговор, в котором участвовал Шергин. Он снова уперся в совершенно логический, но разрывающий душу вывод, что делает совсем не то, чего хочет, и не то, что нужно. Причиной этому, как он догадывался, было повисшее в пустоте чувство долга, которое теперь не к чему привязать. Государь в ссылке рубит дрова, народ в беспамятстве звереет и скоро перегрызется окончательно, Господу Богу до прыгнувшей в бездну России, похоже, нет больше дела...

От станции он направился вниз по улице к центру города. После многодневной пытки в битком набитом вагоне шагать по заснеженным тротуарам и дышать морозным воздухом, выдыхая облака пара, было истинным удовольствием.

Навстречу не попадалось ни единой приличной физиономии. Шныряли темные личности, пряча носы в жидких воротниках и руки в карманах. Из-за угла выглянули две гимназистки и быстро исчезли. Потом его обогнал некий господин в черном пальто и с тростью, похожий на осведомителя. Оглянувшись на Шергина, он дернул небритой щекой, взмахнул тростью и ускорил шаг.

Улица оканчивалась площадью, окруженной двухэтажными купеческими домами. Шергин намеревался найти спокойный трактир, чтобы пообедать и привести в порядок отросшую бороду. Но внимание его привлекли несколько человек, топтавшихся возле ограды церкви. Над ними громко и нагло каркало воронье, у самой церкви тонко, будто побитая собака, выла женщина. Шергин остановился рядом и заглянул через решетку.

На фронте он видел смерть в разных обличьях, но в этой картине была какая-то особенная, нечеловеческая выразительность, словно адская злоба убивавших напирала все вокруг, внушая парализующий ужас. К дверям церкви был приколот штыками священник в одном подряснике. Вместо глаз у него кровавились глубокие ямы, грудь крестообразно изодрана штыком. В ногах у мертвеца убивалась воющая попадьа, рядом с папертью стоял поникший мужик и как будто хотел увести несчастную, но сам не мог сдвинуться с места.

Редкие прохожие, замедляя шаг возле ограды, через мгновение либо застывали на месте, либо

торопились прочь. Тихо, вполголоса передавались подробности. Красные бандиты явились во время отпевания покойника и потребовали прекратить «контрреволюционную агитацию».

— А батюшка-то наш взял кадило да стал гнать их из храма, как псов приبلудных, — захлебывалась шепотом женщина, похожая на обедневшую купчиху, — да так яро, что и ожидать никто не мог. А они-то — иконы заплевали, свечи порушили, дьякону голову пробили...

— Святые посты не соблюдал, мясо в пятницу ел, сам видел, — перечислял кто-то грехи убиенного попа, — младенцев за мзду крестил, а за так отнекивался, занят, говорил, и иное лихоимство чинил. Проповеди ленился возглашать, нищих гнал с паперти, а благочинного ругал за глаза, сам слышал...

«Надо же, — думал Шергин об убитом, — пастырем был дурным, жизнь прожил скверную, а умереть Господь дал мучеником за веру. В подвиге умер поп».

Широким жестом он раздвинул столпившихся и вошел внутрь ограды. Труп с дверей снимать, похоже, никто не решался. Шергин поднял со ступеней бьющуюся попадью и передал ее на руки скорбно вздыхавшему рядом мужику. Затем осторожно вытащил штыки из двери, поддерживая тело, и уложил мертвеца на паперти.

— Уносите, — велел он толпе.

Вперед выдвинулись двое добровольцев.

Возле самой двери, на каменном полу, он заметил книгу малого размера, запятнанную

кровью. Поднял, раскрыл – оказалось Евангелие. Он опустил книгу в карман шинели и перешагнул порог церкви.

Храм был очевидным образом осквернен. Металлический ящик для пожертвований взломан. Большое распятие повалено и исполосовано шашкой. На иконах блестели дорожки плевков. Возле аналая ничком распластался дьякон с кровавым нимбом вокруг головы. Еще один покойник лежал в гробу, так и не отпеченный, сжавшийся, будто в опасении, не считается ли теперь естественная смерть контрреволюционным деянием и не полагается ли по нынешним законам помирать со штыком в груди, с распоротым животом, с проломленной головой.

Шергин поднял глаза на Христа Спасителя, чей образ был справа от Царских врат.

«Ты этого хотел, Господи? – спросил он горько, догадываясь, что с таких вопросов начинается путь в безверие. – Для чего же Ты дал нам прийти до такого?»

Кто-то тронул его за плечо. Шергин запустил руку под шинель, хватая рукоять кольца, и резко обернулся.

– Вам надо уходить, – сказал молодой парень с русым чубом, торчащим из-под шапки. – Вы нездешний. Могут донести в чеку.

Шергин внимательно оглядел его.

– Где тут можно переждать время до следующего поезда?

Парень подумал, закатив глаза, и раздвинул в улыбке толстые губы.

– Есть одно место. Ни одна большевицкая тварь туда не ползет.

Ловушка перед Тобольском

На последней неделе февраля восемнадцатого года капитан Шергин сидел в вокзальном буфете Тюмени и пил отвратительный чай, имевший вкус грязной воды после мытья в ней посуды. Он вливал в себя четвертый стакан этой мути, наблюдая в окно за посадкой пассажиров на поезд. Среди толпы различались примелькавшиеся ему за последние несколько дней шпики. Позавчера по их наводке красные арестовали двух человек, желавших ехать в Тобольск. Их дальнейшая судьба осталась Шергину неизвестной, но он был уверен, что несчастных расстреляли. Наметанным глазом он узнал в них – по выправке и отточенности движений – переодетых офицеров. Их арест тревожил его. Еще неделю назад триста верст от Тюмени до Тобольска казались сущим пустяком, и вот неожиданное препятствие почти у цели. С поездов в сторону Тобольска снимали всех, кто вызывал малейшее подозрение. Накануне Шергин попытался нанять сани, однако не нашел ни одного мужика, готового рискнуть, – город был наводнен большевистскими осведомителями.

Он вышел из буфета, поднял воротник от разбойно свистящего в ушах ветра и направился на соседнюю улицу. Пройдя по ней несколько шагов, Шергин обратил внимание на стоявшую у обочины пролетку. Лицо единственного пассажира,

закутанного в шубу, в лисьей шапке, показалось ему знакомым. Пока он вспоминал, где встречал этого человека, у пролетки возник вокзальный шпик, верткий мерзавец в английском пальто. Седок наклонился к нему, выслушал, ответил, затем велел извозчику трогать. Мерзавец шпик нырнул в подворотню.

Шергин задумчиво двинулся по улице. Он вспомнил этого господина в пролетке и даже его имя. В уме стала понемногу, в общих чертах, обрисовываться картина, не сулившая ничего хорошего. Владелец лисьей шапки, по фамилии Соловьев, был немного известен в петербургских оккультных кругах. Перед революцией он сделал кое-какую карьеру по военному ведомству, стал генеральским адъютантом. Но репутацию составил себе не этим, а недавней, с полгода назад, женитьбой на дочери убиенного Гришки Распутина. Слухи приписывали ему шпионское ремесло, для которого оккультные увлечения были превосходным средством, отпирающим многие двери и обеспечивающим доверие. Неудивительно, что ловкач затесался в самый центр политического клубка, состоящего из многих перепутанных нитей. Все эти нити вели, разумеется, к одному — к особе бывшего государя, и одну из них держал в руках Шергин. Впрочем, эта нить могла в любой момент оборваться. Вокзальные шпики находились в распоряжении Соловьева. Сам же он, на кого бы ни работал по своей основной профессии, безусловно, имел отношения с местными большевиками. Через эту мелкую сеть и мышь не могла бы проскочить к Tobольску.

Две недели спустя вся группа заговорщиков собралась в Тюмени. Они поселились на разных адресах и встречались на улицах, мимоходом обмениваясь сведениями. Только однажды, в самом конце марта, тяготясь бездействием, устроили общий совет в комнате, которую снимал у местного лавочника Шергин.

— Этот негодяй, надо думать, взял на себя роль заместителя Распутина, — горячился штабс-капитан Скурлатовский, ряженный под прогоревшего купчика. — Как будто мало нам было одного. Это семейство — злой рок России, попомните мои слова, господа. Как прежде Гришка цербером крутился у трона, так и его зять теперь никого близко не подпускает к уже низложенным монархам. Кстати, не кажется вам, господа, зловеще-символичным, что деревня, откуда родом Распутин, стоит как раз на пути между Тюменью и Tobольском?

— Говорят, Соловьеву здесь покровительствует некий немецкий офицер, имеющий большой вес у местных комиссаров, — флегматично дымил папирой поручик Любомиллов, натурализовавшийся в городе под видом частного учителя.

— Я совершенно не удивлюсь, если он шпионит в пользу Вильгельма, — фыркнул Скурлатовский.

— По крайней мере, это объясняет, откуда у него такая власть, — задумчиво шагая по комнате между стульев, проговорил Никитенко, единственный не военный среди них. — Ведь он, кажется, заявил, что без его позволения никто не может приблизиться к Tobольску?

— Но я слышал, господин Соловьев декларирует себя ревностным монархистом, к тому же имеет сношения с императорской семьей, — вставил слово штаб-ротмистр Чесноков, разливая вино по бокалам. Он изображал собой вечного студента, пустившегося на заработки по России-матушке.

— Ах, бросьте, Александр, — взмахнул руками Скурлатовский, — кто нынче не монархист? Даже среди самих большевиков и сочувствующих им имеются настроения, царя уже хотят.

— Однако, господа, надо решать проблему, — молвил поручик, — мы не можем сидеть здесь вечно, ничего не предпринимая.

— Именно не можем! — Скурлатовский раскраснелся и начал волноваться. — Что мы вообще можем, кроме как перетирать кости Распутину номер два! Какая ужасная бессмысленность, когда для спасения России дорог каждый день!

— Что вы предлагаете, господин штабс-капитан? — спросил Любомиллов.

Скурлатовский на миг задумался, затем сообщил:

— Я предлагаю войти к господину Соловьеву в доверие. Он, я слышал, получил за границей некое оккультное образование? Вероятно, на этой почве с ним можно близко сойтись.

Чесноков оглядел присутствующих и с иронией поинтересовался:

— Господа, кто из вас достаточно сведущ в оккультных материях, чтобы составить компанию наследнику «святого старца» и гипнотизера Гришки Распутина?

Все головы, будто по команде, повернулись в сторону Шергина. Он единственный из них имел продолжительный опыт жизни в столице и представление о бытовавших там модах на «духовное».

— Должен вас разочаровать, господа, — объявил Шергин, — в роли мистика я провалюсь моментально. Оккультные материи мне глубоко омерзительны, уж не обессудьте.

— Вы можете временно пожертвовать убеждениями ради пользы дела, Петр Николаевич, — настаивал Скурлатовский. — Вы более всех нас способны пустить пыль в глаза этому распутинскому наследнику. Надо лишь составить для вас новую легенду...

— Довольно, Михаил Андреич. — Шергин остановил его резким жестом руки. — Вот вам мои убеждения. Вы ратуете за спасение России, между тем в ее гибели, я уверен, не последнюю роль играли те самые оккультные поветрия, заразившие с прошлого века обе столицы и подпавшие ноги у трона. Вам мало этого, вы хотите продолжения?

— Однако вы, Петр Николаевич... слишком уж как-то... — Растерянный Скурлатовский потянул себя за воротник и повел головой из стороны в сторону, словно ему не хватало воздуха.

Шергин налил вина и быстро выпил. Он вспомнил ту петербургскую атмосферу повального увлечения «тайными знаниями» в последние годы перед революцией. Ему, приехавшему с фронта в короткие отпуска, это и в самом деле представлялось «как-то уж слишком». Все

пересуды о «мистическом разврате» в покоях императрицы и ее доверенной фрейлины, поначалу оскорблявшие его, сделались в конце концов чем-то обыденным, вроде разговора о дурной погоде. Шергин считал, что «чудотворец» Распутин всего лишь характерный показатель состояния умов. Этот неграмотный шарлатан, которого так яростно и свято ненавидели, со всеми его блудливо-восторженными поклонниками, выглядел на фоне великосветского салонного мистицизма обыкновенным деревенским дурачком, ряженным в шелк. Впрочем, несмотря на всеобщую ненависть, каждый из этих господ мистиков, несомненно, страстно мечтал оказаться на месте Распутина и развернуться куда как шире невежественного мужика...

Расходились по одному в темноте, так ничего и не надумав. Решили ждать до установления дорог после весенней грязи и пробираться в Тобольск своим ходом. Однако делать этого не пришлось. Двадцать седьмого апреля поздно вечером к Шергину прибежал взмыленный Никитенко и возбужденно оповестил о приезде в Тюмень под конвоем на конных подводах бывшего императора с женой. Их сразу повезли на вокзал к поезду. Княжны и наследник, очевидно, остались в Тобольске. Весть была неожиданна и ошеломительна.

Тотчас собравшись, Шергин отправился на вокзал. Он предполагал узнать, куда отправляют государя. Но вокзал был оцеплен солдатами, никого не пропускали, и пришлось возвращаться ни с чем.

В первый день мая, когда большевики широко праздновали свой пролетарский праздник и толпою ходили по улицам с красными флагами, из газет стало известно, что новым местом заточения государя сделался Екатеринбург. В следующие несколько дней пятеро заговорщиков поодиночке покинули Тюмень, отправившись в столицу Урала.

Дом инженера Ипатьева

Приложившись к кресту в руках священника, малочисленные прихожане Вознесенской церкви тихо исчезали из храма. У иконы Богородицы в левом приделе молился солдат с огромным шрамом на обритой голове. Унеся крест и закрыв алтарные врата, священник подошел к нему.

— Исповедуйте, отец Сергей, — сказал тот.

Иерей неторопливо оглядел храм — после службы стало пусто и безмолвно. В людях поселился страх, боялись лишнюю минуту оставаться в церкви. Многие вовсе перестали посещать богослужения и заходили украдкой — поставить свечку, коротко помолиться у иконы, затем торопливо уйти в беснующийся, наполненный злобой мир, чтобы никогда, может быть, уже не вернуться сюда. Отец Сергей вспомнил слова из январского послания патриарха Тихона: «Если нужно будет пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, на эти страдания вместе с собою». И свои собственные грустные мысли на этот счет: вот и на Руси наступили

времена Нерона и Диоклетиана, вот и наш черед настал, пришел день посещения Божьего, грозный, светлый день. Но много ли найдется русских исповедников, готовых идти до конца, до смерти, достанет ли их крови, чтобы смыть с народа клеймо вероотступничества и предательства в отношении государя-помазанника? Этот вопрос до сих пор мучил отца Сергия, несмотря на доходившие вести о страшных смертях архиереев, рядовых священников, монахов и монахинь. Слишком благодушествовала Россия последние десятилетия, слишком дебелий сделалась, чтобы под силу ей теперь было высоко поднять меч веры и не выронить его. Но разве Бог не милостивен и посылает испытания сверх меры? Отец Сергий не мог допустить такой невероятной и мрачной мысли. Значит, всем зверствам и безумствам большевиков Россия в силах противопоставить превосходящий их подвиг любви и терпеливого, мученического несения креста. Значит, нужно терпеть и до конца совершать свое дело.

Оглядев храм, отец Сергий повернулся к передоному солдатом офицеру. Пять дней назад тот точно так же подошел на исповедь, а после назвал, попросил помощи и участия в тайном плане. «Вам разрешено приходить в дом напротив и служить обедню для императорской семьи, — сказал он. — Я отдаю себе отчет в том, насколько обременительна для вас эта просьба, но у нас нет другого способа». Отец Сергий согласился и принял записку, которую следовало незаметно передать государю. Теперь офицер ждал ответа.

— Не могу вас ничем порадовать, — негромко произнес священник. — Записку вашу я передал по назначению. Это стоило мне огромного усилия, охрана ни на минуту не ослабляет надзор за пленниками.

— Они русские? — спросил Шергин.

— Увы. Русские рабочие. Подумать только, до какого скотства может дойти русский человек. — Священник горестно вздохнул. — Они постоянно пьяны, разнузданны, на каждом шагу намеренно наносят пленникам оскорбления. Дом превращен в помойку, в красный кабак. Только представьте себе, каково жить в подобных условиях, а ведь там и дети, юные княжны...

— Да-да, — нетерпеливо произнес Шергин, — эти мерзавцы не понимают, что творят. Но что государь? Он не смог передать вам ответ?

— Он, безусловно, ознакомился с вашим письмом. Но вчера во время Причастия он дал мне понять, что ответа не будет.

— Каким образом вы это поняли? — немного разочарованно спросил Шергин.

— Он очень выразительно покачал головой. Я трактую это так, что государь не желает бежать. Он намерен разделить судьбу своего народа и России. Ведь и раньше, вспомните, еще будучи под стражей в Царском Селе, император заявлял, что не покинет страну.

— Но сейчас не семнадцатый год, и у власти не опереточное Временное правительство, а кровавые душегубы, — в сердцах произнес Шергин. — Да и ситуация благоприятствует. Чехи подняли мятеж против Советов, Сибирь уже начала

освободиться от большевиков. Знает ли он об этом?

— Газет им не дают, а слухам проникнуть в дом неоткуда. Я уверен, охранники ни о чем пленникам не сообщают.

— Значит, это должны сделать мы. Вечером я принесу новую записку. Вы не откажетесь передать ее?

— Я всего лишь исполню свой долг перед Богом и Его помазанником, — тихо ответил священник.

Сойдя с церковной паперти, Шергин постоял немного, глядя через площадь на двухэтажный дом, совсем недавно обнесенный наспех двумя рядами забора. Особняк инженера Ипатьева был приспособлен большевиками под тюрьму, где содержалась безвыходно царская семья. Для чего понадобилось увозить из Тобольска государя с супругой и лишь через месяц доставить в Екатеринбург наследника с княжнами, оставалось загадкой, хотя и не такой уж неразрешимой. Шергин подозревал, что бывшего монарха намеревались использовать в политических целях, хотели добиться от него согласия на что-то. И вряд ли это были большевистские интриги. Скорее всего, тут следовало предполагать германские планы «реставрации», каким-то образом сорванные.

От отца Сергия стало известно, что царственная чета занимает угловую комнату дома. Однако разглядеть что-либо в постоянно закрытых окнах, выходящих на площадь и в переулок, было невозможно — не из-за двойного забора,

а из-за того, что стекла густо выбелили известью. Шергин направился вниз по Вознесенской улице к центру города. В конце ее находился пруд, где плавали утки со своим потомством и ловили рыбу особенно удачливые по этой части мещане. Шергин обогнул пруд, прошел еще квартал и позвонил в дверь скромного двухэтажного дома, принадлежавшего коммерсанту Потапову. Полтора месяца назад его приютила здесь дочь Потапова, Лизавета Дмитриевна, соломенная вдова без детей и с большим запасом нерастраченных чувств.

Дверь открыла хозяйка. Слуги разбежались еще зимой, польстившись революционной свободой и прихватив с собой кое-что из коммерсантского имущества. Елизавета Дмитриевна после этого слышать не желала о развращенной Советами прислуге в доме и хозяйствовала сама — очень боялась быть зарезанной ночью в постели. И за больным, не встающим с постели отцом тоже ухаживала самолично, стойко перенося его старческие капризы.

— Петр! Наконец-то.

Шергина обдало волной густого цветочного аромата. Лизавета Дмитриевна схватила его за руку, но сейчас же отпустила. Вдова была импульсивна и порывиста, однако время от времени вспоминала о приличиях.

— К тебе пришли, — сказала она взволнованно. — Я бы не впустила его в дом, но этот человек назвался твоим другом. Тебя так долго не было, я вся изнервничалась. Такое ужасное время, я постоянно чего-то боюсь...